

ru/files/elita_opredelenie.pdf (data obrashcheniia: 8.07.2012).

Poniatie elity. Teorii elit [Elektr. resurs] // Political Candidate for Greatness. URL: <http://the41stvot.org/politologija/56-ponjatje-jelity-teorii-jelit.html?showall> (data obrashcheniia: 8.07.2012).

Teoriia elit [Elektr. resurs] // Vikipediia : svobodnaia entsiklopediia. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_элит (data obrashcheniia: 8.07.2012).

Elita [Elektr. resurs] // Vikipediia : svobodnaia entsiklopediia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Элита> (data obrashcheniia: 8.07.2012).

Elita vo vlasti [Elektr. resurs] // Otkrytoe obshchestvo. URL: <http://www.societyopen.ru/politika/55-jelita-vo-vlasti.html> (data obrashcheniia: 8.07.2012).

Elita: istoriia termina [Elektr. resurs] // Entsiklopediia interesnykh statei portala 137 «Excelion.ru». URL: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/47680727.html> (data obrashcheniia: 8.07.2012).

Swaan, A., Manor, J., Øyen, E., Reis, E. P. (2000) Elite Perceptions of the Poor: Reflections for a Comparative Research Project // Current Sociology. Vol. 48. № 1. P. 43–54.

Деформация социального капитала как фактор возникновения коррупции*

Л. Н. ФЕДОТОВ

(Филиал Российского государственного социального университета в г. Пензе)

В статье показано, что причина коррупции кроется в модели доверия и характере норм. Социальный капитал и доверие могут приватизироваться и принимать антиобщественные формы.

Ключевые слова: коррупция, формальный социальный капитал, неформальный социальный капитал, обобщенное доверие, партикулярное доверие, общество, социальные группы, социальные связи.

Основной задачей, на решение которой была направлена концепция социального капитала, сформулированная в конце XX в., стала демонстрация ценности социальных связей между людьми для развития экономической, политической, культурной и других сфер общества. Принятая в качестве основополагающей в концепции социального капитала модель отношений между людьми основывается на доверии, которое возникает в результате следования их общим нормам и ценностям. Распространение доверительных отношений становится возможным в результате участия граждан в общественной жизни, в деятельности социальных институтов. Взаимодействуя

в таких средах, люди преследуют не противоречащие обществу цели и интересы, в результате чего общество оказывается связано узлами добродетельных и честных отношений между его членами. Но эта точка зрения столкнулась с противоречивым обстоятельством, определяемым тем, что существуют не только общие цели, в которых заинтересовано все общество. Существуют частные сферы жизни, протекающие в семье, в кругу близких и друзей, коллег, соседей и пр. Отношения в этих коллективах также строятся на чувстве доверия, разделении групповых норм. Наличие таких компонентов в их отношениях, как нормы и доверие, обосновывает оправданность при-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Антикоррупционная значимость модернизации России и формирование социального капитала» (грант РГНФ № 11-33-00371a2).

менения термина «социальный капитал» не только к обществу, но и к его небольшим социальным структурам, таким как социальные группы, общности и организации. Проблема заключается в соотношении общественных целей с индивидуальными частными интересами и нормами. Последние могут не противоречить, или совпадать с интересами большинства, или быть эгоистическими, корыстными, отвергающими обязательства перед обществом. Более того, связи в группах могут быть коррупционными, использоваться для обеспечения индивидуальных и корпоративных выгод.

В связи с этим существует потребность обозначения позитивных и негативных социальных связей, доверия, имеющих положительное или отрицательное значение для общества. Хотя термин «социальный капитал», казалось бы, указывает на общественную направленность и этим отличается от всего того, что ориентировано на антиобщественные цели, многие исследователи считают, что структуры доверия и связей, характерные для социального капитала общества и банды, требуют не отказа от термина «социальный капитал» в случае банды, а дополнительной негативной его оценки. Другой аргумент в пользу этого: как и экономический капитал, социальный капитал может приватизироваться и вследствие этого стать капиталом банды, коррупционной схемой. Поэтому сегодня принято разделять позитивный и негативный социальный капиталы. Негативный социальный капитал может быть понят как деформация позитивного социального капитала.

ВИДЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Социальный капитал, по мнению американского политолога Р. Патнэма, является характеристикой гражданского общества, в рамках которого тесные социальные связи инициированы самими гражданами для соблюдения своих прав и свобод, а также для организации контроля над соблюдением формальных процедур в институтах власти и справедливого распределения ресурсов. Идея, вокруг которой строится предложенная им теория, заключается в том, что общество состоит из

множества сетей, в центре которых находится отдельный человек со своими связями и знакомствами. Установление отношений солидарности, характерных для социального капитала людей, находящихся в разных сетях, становится возможным только при установлении высокого уровня доверия и взаимности между ними (Democracies in Flux..., 2002: 3–20). Накопленные примеры взаимодействий такого рода способствуют распространению информации, увеличению скорости подписания контрактов и количеству совершаемых сделок. В работах Р. Патнэма, посвященных социальному капиталу, показано, что отношения между людьми, основанные на общности взглядов, ценностей и норм, являются ресурсом общественного развития. Он ратует за то, чтобы сети, имеющие общие нормы и доверие, позволяли участникам более эффективно действовать совместно для достижения целей. Согласно Р. Патнэму структурным условием существования социального капитала является способность граждан к самоорганизации в формах ассоциаций, объединений взаимопомощи для решения значимых для общества вопросов. В такой среде люди приобретают навыки совместной деятельности и альтруистические взгляды. Положенные в основу концепции позитивного социального капитала взгляды Р. Патнэма формировались в результате его исследований макроуровня общества — сетевой и институционализированной сферы деятельности человека. В то же время он не обратил внимания на значимость социальных отношений в небольших коллективах, на основе которых люди решают повседневные проблемы, за что его концепция подверглась критике со стороны других исследователей социального капитала. В частности, социологи Дж. Коулман, П. Бурдьё считают носителями социального капитала группы, сети и индивидов, но не общество. По мнению Дж. Коулмана, сплоченные отношения возникают в семье в результате тесной связи между родителями и детьми, но при этом они остаются ресурсом, доступным для всех членов общества (Коулман, 2001: 133). Французский социолог П. Бурдьё утверждает даже, что социальный капитал является исключительной

собственностью людей, обладающих связями и использующих их для обеспечения своего экономического положения. Социальный капитал, с его точки зрения, определяется как прибыль, приносимая членством в группе, и лежит в основе солидарности, которая делает возможным ее получение (Бурдьё, 2002: 67). Своим утверждением П. Бурдьё дал новый импульс развитию концепции Р. Патнэма, который обратился к анализу социального капитала «склеивающего» типа, т. е. солидарных отношений внутри небольших социальных общностей, способных привести к негативным последствиям (*Democracies in Flux...*, 2002: 9). Социальный капитал «склеивающего» типа характеризуется тем, что он «склеивает» группы для антиобщественных побуждений и целей, деформирует позитивный социальный капитал. Одновременно им вводится понятие позитивного социального капитала, «наводящего мосты» между разными социальными общностями. Основная проблема, приводящая к негативным проявлениям социального капитала «склеивающего» типа, заключается в том, что сильные социальные связи, возникающие между членами одной семьи, этнической группы, могут быть использованы ради корыстных групповых целей, ущемляя при этом интересы других людей. Американский социолог А. Портес рассматривает прочные связи, возникающие между членами общности, как необходимость обеспечения ей преимуществ перед другими участниками рынка, а следовательно, как проявление негативного социального капитала (Portes, 1998: 21). Это приводит к мысли, что доступ к подобному ресурсу будет возможен для инсайдеров — лиц, которые подтверждают свою принадлежность к группе, доверяя и поддерживая только ее участников. В таких условиях социальные группы и их социальный капитал могут оказаться изолированными друг от друга, а общество столкнется с проблемами, связанными с бедностью, конфликтами и коррупцией.

Помимо разделения на позитивный и негативный социальный капиталы, в том числе на негативный, который называют «склеивающим», используется разделение на формальный и неформальный социальные капиталы.

Представленные интерпретации социального капитала показывают различия в способах и средах его формирования. Сильные гражданские ассоциации, объединения граждан по значимым социальным вопросам (экологическим, охране здоровья или труда, защите потребителей и пр.), оформленные в сети, представляют формальный, т. е. не окрашенный индивидуальными особенностями, социальный капитал, в то время как консолидация индивидуумов в малой группе на основе личного знакомства или родственных связей может производить неформальный социальный капитал. Членство в таких социальных группах также основывается на высоком уровне солидарности, но связи и доверие здесь могут обладать негативной спецификой. Это не значит, что неформальный социальный капитал всегда будет негативным. Семья, родственники, друзья, научные сообщества, туристы и пр. могут стать источниками неформального, но позитивного социального капитала. Однако нередко неформальный социальный капитал предстает как «склеивающий», негативный.

ТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Любое общество, любую организацию можно представить в виде системы отношений между людьми. Возникновение множества отношений, таких как власть и подчинение, сотрудничество и конкуренция, связано с ожиданием ответных предсказуемых действий, соответствующих интересам лиц, вступающих во взаимодействие. Поэтому необходимым условием для развития отношений является наличие определенных рамок, устанавливающих формы и правила взаимно ориентированных действий.

Законы, нормативные акты, условия контрактов, уставы организаций являются примерами жестко детерминированных правил. Они устанавливают права и обязанности, необходимые для исполнения всеми людьми этих групп, независимо от пола, расы и вероисповедания. Организация совместных действий на основе разделения общих правил и процедур является квинтэссенцией формальных отношений. Важнейшими характеристиками формальных отношений являются официаль-

ность, отсутствие эмоциональных переживаний. Основная мотивация, которой придерживаются люди, вступающие в такие связи, заключается в достижении взаимовыгодного результата, не противоречащего общественной морали. Когда будет составлен договор найма на работу, подписан важный акт, формальные отношения прекратятся, что свидетельствует об их относительно кратковременном характере. Еще одной важной чертой формальных связей является отсутствие межличностных обязательств, заставляющих людей одаривать друг друга подарками в знак благодарности за совершение сделки, операции, связанные с экономическим обменом или получением информации. В этой связи специалист по анализу коррупции С. Роуз-Аккерман отмечает, что «ни одна правовая система не санкционирует практику взаимобмена услугами по типу “ты — мне, я — тебе”» (Роуз-Аккерман, 2010: 121).

Нормативное регулирование общественной жизни организует определенный социальный порядок. Возможность применения формальных санкций за нарушение правил является основной гарантией надежных и честных отношений между субъектами деятельности. Поддержание выгодных законных отношений, существующих норм требует их беспристрастного исполнения как со стороны государства, так и со стороны общества. Это заставляет граждан принимать участие в общественных организациях, движениях и ассоциациях, организующих совместными усилиями социальный контроль за исполнением закона. Приобретенный людьми положительный опыт взаимодействий будет влиять и на взаимоотношения в будущем. Например, сведения о бизнесмене, не нарушающем условия договора, поставляющем продукцию или услуги в означенные сроки, будет быстро распространяться в предпринимательской среде.

Для возникновения формальных отношений достаточно только информации о репутации потенциального партнера как надежного, соблюдающего закон. Поэтому, ссылаясь на известного американского социолога М. Грановеттера, можно отметить, что социальный капитал общества построен на «силе слабых связей», которые возникают с меньшей частотой

и продолжительностью, но при этом несут большой объем полезной информации, чем тесные близкородственные отношения, обладающие неформальным характером (Granovetter, 1983: 202).

Неформальные отношения возникают в сравнительно небольших первичных социальных группах, таких как семья, круг друзей и соседей. Польский социолог П. Штомпка описывает их как «сравнительно небольшие, что позволяет членам этих групп лично знать друг друга и совершать взаимодействия “лицом к лицу”, в непосредственной близости и часто в той форме, которую можно назвать интимной» (Штомпка, 2005: 232). В таких коллективах человек приобретает навыки социализации, позволяющие ему стать полноправным членом общества. Но это произойдет в том случае, если нормы, принятые в его группе, будут соответствовать правилам, принятым во всем обществе. Неформальные отношения в социальных группах строятся на нормах взаимности, которые диктуют такие обязательные правила для своих членов, как корректное поведение, вежливость, разделение ответственности за моральное и экономическое состояние человека, оказание ему поддержки в трудной ситуации и пр. Причина возникновения межличностных отношений взаимопомощи кроется прежде всего в том, что небольшая социальная дистанция между индивидуумами одной группы вызывает чувство сильного эмоционального переживания за состояние членов группы. Проявление заботы к члену семьи, к другу как неформальная норма, в свою очередь, предполагает осуществление ответных взаимных действий со стороны тех, кто получил помощь и поддержку. Но связи, характеризуемые как неформальные или неофициальные, основанные на принципах добродетельности, могут использоваться для обхода формальных процедур и правил. Известная латиноамериканская поговорка «все — друзьям, ничего — врагам, чужакам — закон» показывает значение межличностных, семейственных отношений для решения групповых вопросов незаконным путем. Образующий групповой социальный капитал становится эксклюзивным, недоступным для членов

других групп. Последним приходится искать помощь в формальных структурах.

Когда социальный капитал расценивается как фактор укрепления личных позиций и получения индивидуальных преимуществ, а также когда к нему ограничивается доступ людей из многих социальных групп и слоев (из-за использования близкородственных связей и опоры только на круг знакомых и друзей для доступа к ограниченным ресурсам и власти), положительный эффект социального капитала исчезает. Такие формы поддержки, как nepoтизм, протекционизм, фаворитизм и кумовство, сегодня рассматриваются, в частности, международной организацией Transparency International, равно как Трансперенси Интернешнл — Россия, в качестве коррупционной деятельности.

Вместе с тем возникает следующая корреляция между доверием в группе и доверием в обществе: люди, которые не обладают социальным капиталом неформальных связей, не участвуют в процессе распределения ресурсов, вследствие этого не доверяют обладателям благ, государственным институтам. Поэтому в таких обществах одновременно с накоплением доверия в социальной группе происходит ослабление доверия в обществе.

МОДЕЛИ ДОВЕРИЯ И КОРРУПЦИЯ

Вероятность сотрудничества выше там, где больше доверия. Эта мысль является, пожалуй, основным постулатом теории социального капитала. Доверие в обществе служит индикатором его социального здоровья. Так, его наличие определяет объем и качество коллективных действий в обществе, уровень социальной сплоченности. По мнению некоторых исследователей, в частности Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, Б. Ротштейна, агентами общественного доверия выступают качество государственных институтов и стабильность правовой системы, которые своей беспристрастностью обеспечивают экономическую стабильность государства и равенство всех членов общества перед законом. Наличие в странах высокого уровня доверия между членами общества, а также к государственным институтам во многом объясняет отсутствие в них корруп-

ции. Американским политологом Э. Усланером вводятся понятия об обобщенном и партикулярном доверии. Обобщенное доверие, по мнению Э. Усланера, определяется количеством положительных ответов на вопрос «Считаете ли вы возможным верить другим людям?» Доверие, показывает он, основывается на признании всеми членами общества высоких стандартов нравственного и правового поведения. Шведский политолог Б. Ротштейн в одной из совместных работ с Э. Усланером показал, что доверие является продуктом равноправного общества, которое объединяет людей для взаимовыгодных целей (Rothstein, Uslaner, 2005). В понятие «доверие» мы вкладываем тот же смысл, что и Ф. Фукуяма: «Доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» (Фукуяма, 2004: 52). Такое поведение, по его мнению, формирует социальный капитал общества. Опираясь на приведенные определения, можно объяснить обобщенное доверие как норму взаимности, возникающую между людьми и социальными группами на основе признания равных прав, справедливого распределения ресурсов и участия в политической жизни.

Когда доверие принято в качестве социальной нормы на макроуровне общественных отношений, расширяются возможности сотрудничества и кооперации для значительного количества людей. Коррупция, напротив, препятствует сотрудничеству, поскольку отрицает чувство справедливости и предоставляет преимущества лицам, нарушающим правовые нормы. Поэтому общество, скрепленное обобщенным доверием, будет воспринимать коррупцию как пагубное явление, негативно отражающееся на его безопасности, и всячески препятствовать ее распространению. Взаимное ожидание добропорядочных и честных отношений поддерживается в рамках гражданского общества, которое, в свою очередь, получает легитимность в случае поддержки социальных интересов, а не личной выгоды.

Противоположной моделью обобщенному доверию является *партикулярное доверие* (*particular* от англ. — «специфическое», «обособленное»), характеризующее отношения с индивидами одного сообщества, с которыми актор ощущает сходство (Uslaner, 2002: 31). К проблеме дифференциации доверия обращается и Ф. Фукуяма. Исследуя социальный капитал, он приходит к выводу о том, что «группы имеют определенный радиус доверия, т. е. круг людей, среди которых действуют совместные нормы» (Fukuyama, 1999: Электр. ресурс). Необходимо подчеркнуть, что им рассматриваются объединения людей на основе родственных и дружеских связей, распространенные в обществах традиционного типа. По его мнению, люди в этих группах склонны доверять только находящимся внутри него членам. В связи с этим происходит сокращение радиуса доверия, которое приводит к трудностям совместных действий одной социальной группы с другой. Такая среда создает условия для расцвета коррупции. С этой точки зрения особое внимание приковывает к себе понятие «аморальная семейственность», введенное в научный лексикон политологом Э. Банфилдом (Banfield, 1958: 92). Семейственность представляет собой доверие между лицами, сплоченными кругом семьи. В социуме, насыщенном такими структурами, происходит подрыв общественного доверия. Люди с сильной тенденцией к семейственности больше склонны работать с членами семьи, чем за ее пределами. Аморальная семейственность никогда не способствует решению общественных проблем. Распространение аморальной семейственности приводит к низкой гражданской активности, в том числе и в политической жизни.

Сегодня концепция социального капитала находит свое применение для описания российского общества. Доверие и нормы рассматриваются многими исследователями в контексте получивших широкое распространение среди россиян неформальных отношений. Россия демонстрирует сильную ориентацию людей на доверие, локализованное вокруг родственных или этнических связей. Ю. Латов выделяет шесть «кругов доверия», которые показывают пределы включенности россий-

ского человека в общественные взаимоотношения. «Первый круг — это самые близкие родственники (ребенок, родители, супруг). Второй круг — это друзья и братья/сестры. Третий круг — родственники (более дальние, чем ранее названные). Четвертый круг — коллеги по работе, пятый круг — соседи, шестой — все прочие знакомые» (Латов, 2011: 119–120).

Известный историк-советолог Р. Пайпс, ссылаясь на исследования Санкт-Петербургской компании Validata, утверждает, что россияне доверяют только родственникам и самым близким друзьям. При этом интеграция доверия в общество практически исключена. В этом он видит одну из причин недостаточной сформированности демократических институтов в России (Пайпс, 2009: 2–3). Директор Центра глобальных проблем МГИМО В. Сергеев считает, что самыми показательными примерами негативного проявления социального капитала в России являются сложные и разбалансированные отношения между бюрократическими структурами и лоббированием экономических интересов. В этом случае сети доверия, связывающие правительственные структуры и бизнес, разрушают общественное доверие. Примерами, иллюстрирующими это, являются широко известные факты приватизации крупнейших нефтяных компаний России по низким ценам и фальсификация тендеров. Подчеркивается, что для России особенно опасны неформальные сети доверия между властью и бизнесом, поскольку в этом случае разрушается общественное доверие (Науоз, Sergeev, 2003: 51–52). Такие отношения угрожают не только стабильности, но и криминализируют государство, способствуют возникновению в его аппарате криминальных (мафиозных) группировок.

Таким образом, основой обобщенного доверия является правовое и соответствующее нормам морали поведение фирм и компаний, а также осознание ими и каждым индивидуумом важности своей репутации как надежного партнера и вероятности продолжения отношений без взаимных корыстных обязательств. Партикулярное доверие остается позитивным, если не теряет связи с нормами обобщен-

ного доверия. Его можно найти в деятельности передовых компаний, научных коллективов, где доверительные отношения вызваны не материальными целями, а необходимостью обмена опытом организации эффективного управления или научными знаниями. Когда в социальной среде доминируют экономические интересы, комбинация неформальных отношений и партикулярного доверия может стать силой сговора, ущемляющего интересы третьих лиц. Коррупция как незаконное использование и предоставление благ возникает на почве негласного соглашения, подкрепленного доверием. Упомянутый выше исследователь коррупции С. Роуз-Аккерман, говоря о доверии между участниками коррупционной операции, показывает, что государственные служащие предпочитают совершать противозаконные действия с знакомыми, близкими людьми, так как они «с куда меньшей степенью вероятности, чем незнакомые люди, “накапают” властям» (Роуз-Аккерман, 2010: 131). Спрос на гарантию надежности в таких отношениях увеличивается, если они не входят в законные рамки, и участники подвержены риску применения к ним юридических санкций. Можно сказать, что отсутствие доверия, характеризующее как партикулярное, может привести к отказу сторон участвовать в незаконных операциях. Если правовая система не способна вести борьбу с коррупцией, то последняя будет приобретать долгосрочный и массовый характер. Люди, которые находятся за пределами морального сообщества, связанного партикулярным доверием, будут нести значительные экономические издержки.

Обобщенное доверие возникает по мере расширения радиуса контактов человека с окружающими его людьми. Очевидно, что для этого необходима арена совместных действий. Когда государство не монополизировало власть, а заинтересовано и поддерживает инициативы по созданию различных общественных ассоциаций, неправительственных объединений для совместного решения с населением важных социально-экономических вопросов, оно косвенно способствует формированию социального капитала как общественного блага. Доверие в партикулярной форме может пре-

пятствовать развитию качественных социальных связей, составляющих основной ресурс социального капитала формального типа.

Таким образом, простая схема положительных функций социального капитала по мере применения этой категории усложнилась представлением о позитивном и негативном, формальном и неформальном социальном капитале, обобщенном и партикулярном доверии как его части.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые, П. (2002) Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Коулман, Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Латов, Ю. В. (2011) Декларируемое и фактическое межличностное доверие в современной России // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. Кн. 3. С. 118–128.
- Пайпс, Р. (2009) Россия без царя и генсека // Русский журнал. № 5 (19). С. 2–3.
- Роуз-Аккерман, С. (2010) Коррупция и государство. М. : Логос.
- Фукуяма, Ф. (2004) Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ.
- Штомпка, П. (2005) Социология. Анализ современного общества. М. : Логос.
- Banfield, E. (1958) *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL : The Free Press.
- Fukuyama, F. (1999) Social Capital and Civil Society [Электр. ресурс] // International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm> (дата обращения: 18.03.2012).
- Granovetter, M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. № 1. P. 201–233.
- Hayoz, N., Sergeev, V. (2003) Social Networks in Russian Politics // Social Capital and the Transition to Democracy / ed. by G. Badescu, E. M. Uslander. L. ; N. Y. : Routledge. P. 46–60.
- Portes, A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. Vol. 24. P. 1–24.
- Democracies in Flux: the Evolution of Social Capital in Contemporary Society (2002) / Ed. by R. D. Putnam. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press.
- Rothstein, B., Uslander, E. (2005) All for All: Equality and Social Trust [Электр. ресурс] // The

Minda de Gunzburg Center for European Studies. URL: <http://www.ces.fas.harvard.edu/publications/docs/pdfs/RothsteinUslander.pdf> (дата обращения: 18.03.2012).

Uslander, E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press.

*THE DEFORMATION OF SOCIAL CAPITAL
AS A FACTOR OF CORRUPTION GENESIS*

L. N. Fedotov

(The Branch of Russian State Social University
in Penza City)

The paper shows that corruption can be caused by a model of trust and a normative structure. Social capital and trust might become privatized and turn into antisocial forms.

Keywords: corruption, formal social capital, informal social capital, generalized trust, particularistic trust, society, social groups, social relations.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Burd'e, P. (2002) *Formy kapitala* // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. T. 3. № 5. S. 60–74.

Koulman, Dzh. (2001) *Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii* // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 3. S. 122–139.

Latov, Iu. V. (2011) *Deklariruemoe i fakticheskoe mezhluchnostnoe doverie v sovremennoi Rossii* // *XI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* : v 3 kn. / otv. red. E. G. Iasin. M. : Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki. Kn. 3. S. 118–128.

Paips, R. (2009) *Rossiya bez tsaria i genseka* // *Russkii zhurnal*. № 5 (19). S. 2–3.

Rouz-Akkerman, S. (2010) *Korrupsiya i gosudarstvo*. M. : Logos.

Fukuyama, F. (2004) *Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu*. M. : AST.

Shtompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva*. M. : Logos.

Banfield, E. (1958) *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL : The Free Press.

Fukuyama, F. (1999) *Social Capital and Civil Society* [Elektr. resurs] // *International Monetary Fund*. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm> (дата обращения: 18.03.2012).

Granovetter, M. (1983) *The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited* // *Sociological Theory*. № 1. P. 201–233.

Hayoz, N., Sergeyev, V. (2003) *Social Networks in Russian Politics* // *Social Capital and the Transition to Democracy* / ed. by G. Badescu, E. M. Uslander. L. ; N. Y. : Routledge. P. 46–60.

Portes, A. (1998) *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* // *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. P. 1–24.

Democracies in Flux: the Evolution of Social Capital in Contemporary Society (2002) / Ed. by R. D. Putnam. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press.

Rothstein, B., Uslander, E. (2005) *All for All: Equality and Social Trust* [Elektr. resurs] // *The Minda de Gunzburg Center for European Studies*. URL: <http://www.ces.fas.harvard.edu/publications/docs/pdfs/RothsteinUslander.pdf> (дата обращения: 18.03.2012).

Uslander, E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press.